

ища в нем защиту. О, от скольких падений удерживает нас этот стыд! Сколько бесчестных побуждений и расспросов приводит он к молчанию! Сколько дурных соблазнов он обезоруживает не только в человеке стыдливым, но и в том, кто только посмотрит на стыдливого человека! Сколько гнусных слов он удерживает! Как говорит Туллий в первой книге «Об обязанностях»: «Нет такого бесстыжего поступка, упоминание о котором не было бы бесстыжим, и потому человек стыдливый и благородный никогда не выражается так, чтобы слова его были зазорны для женщины. О, сколь непристойно для человека, пекущегося о своей чести, упоминать о вещах, которые были бы непристойны в устах любой женщины!»

Стыдливость – это страх перед позором от совершенного проступка; а из этого страха рождается раскаяние в проступке, несущем в себе горечь, которая есть напоминание о том, чтобы больше не грешить. Посему тот же поэт в той же книге и говорит, что, когда царь Адраст спросил Полиника, кто он такой, тот сначала колебался ответить, стыдясь проступка, совершенного им против отца, а также проступков своего отца Эдипа, которые продолжали позорить и сына; и он не назвал своего отца, назвав лишь предков, родину и мать. Итак, вполне очевидно, что стыдливость в юном возрасте необходима.

Но не только послушание, ласковость и стыдливость свойственны благородной натуре в юные годы, но и красота и стройность тела, как это сказано в тексте: «...прекрасная, она...» При этом надо иметь в виду, что и это проявление природы необходимо для нашей доброй жизни; большую часть действий нашей душе положено производить при помощи телесных органов, а это легче, когда тело должным образом сложено и соразмерно во всех своих частях. Когда же оно хорошо сложено, тогда оно красиво в целом и в частях и доставляет наслаждение своей удивительной гармонией, а хорошее здоровье набрасывает на него покров сладостного для зрелых цвета. Поэтому говорить, что благородная натура украшает свое тело и делает его пригожим и складным, все равно как сказать, что она доводит его до совершенной упорядоченности, и это, равно как и другие разобранные нами свойства, по-видимому, необходимо для юности: их-то благородная душа, то есть благородная натура, и дарует, и их-то в первую очередь она имеет в виду как некое семя, брошенное в нас, как уже говорилось, Божественным провидением.

XXVI.

После того как был обсужден первый подраздел этой части канцоны, в котором показано, как по видимым признакам можно распознать человека благородного, нам надлежит перейти ко второму, который начинается со слов: «Созрев, она умеренна, сильна...» Итак, в нем сказано, что если в юности благородная натура «нежна, стыдлива и несмела» и украшает собственную особу, то в пору зрелости она «умеренна, сильна», любвеобильна, куртуазна и честна; эти пять свойств, по-видимому, да и на самом деле необходимы для нашего совершенства, поскольку мы уважаем самих себя. Следует помнить, что решительно все, чем благородная натура располагает в первом возрасте, уже приурочено и упорядочено благодаря предусмотрительности Природы, которая упорядочивает единичную природу, доводя ее до совершенства. Это наше совершенство можно рассматривать двояко: в его отношении к нам самим, кому оно необходимо в пору зрелости, которая есть вершина нашей жизни, и в отношении к другим; а так как надлежит быть самому совершенным и уже после этого передавать свое совершенство другим, то этим вторичным совершенством следует обладать уже миновав зрелый возраст, то есть в старости, как об этом будет сказано ниже.

Таким образом, здесь надлежит освежить в памяти то, что выше, в двадцать второй главе настоящего трактата, говорится о влечении, которое рождается в нас с самого начала. Это влечение проявляется только в стремлении к чему-то или во избежание чего-то; и всякий раз, как человек стремится к чему-то, что ему нужно и поскольку это ему нужно, и избегает того, чего нужно избегать, он остается в пределах своего совершенства. Правда, всадником, управляющим этим влечением, должен быть разум, и, подобно тому как лошадь, предоставленная самой себе, хотя натура ее и была благородной, ведет себя нехорошо, так же точно и влечение это, которое называют то гневливым, то вождедеющим, хотя бы оно и было благородным, должно повиноваться разуму, управляющему им, как хороший всадник, при помощи узды и шпор. Уздой он пользуется тогда, когда влечение заставляет его к чему-нибудь стремиться, и узда эта именуется